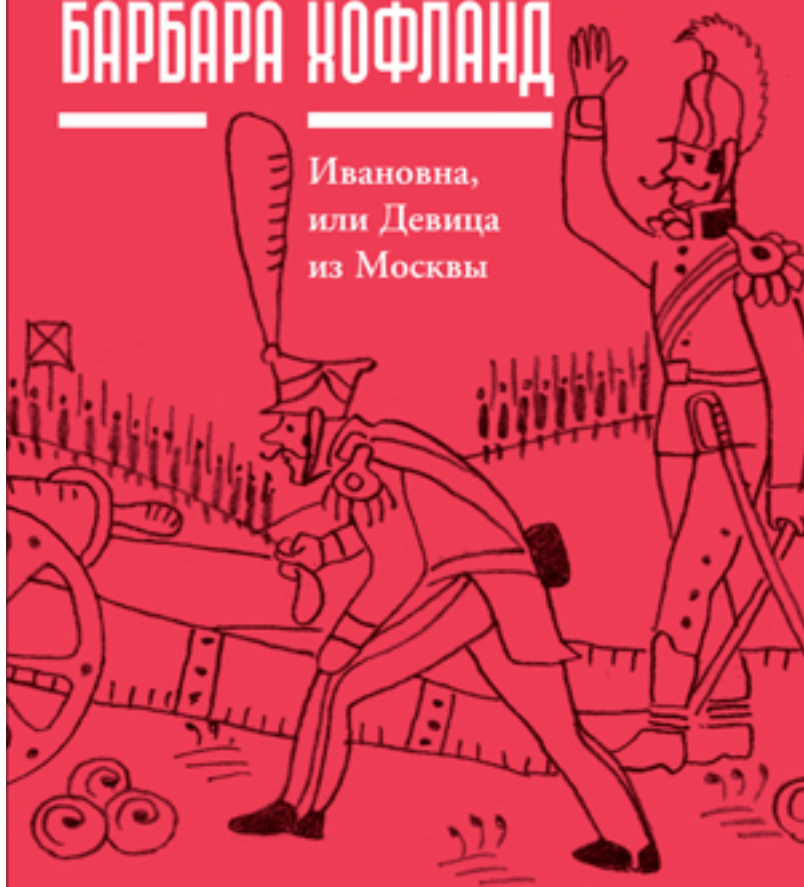

БАРБАРА КОФЛАНД

Ивановна,
или Девица
из Москвы

Барбара Хофланд

Ивановна, или Девуца из Москвы

«WebKniga»

2012

Хофланд Б.

Ивановна, или Девица из Москвы / Б. Хофланд — «WebKniga», 2012

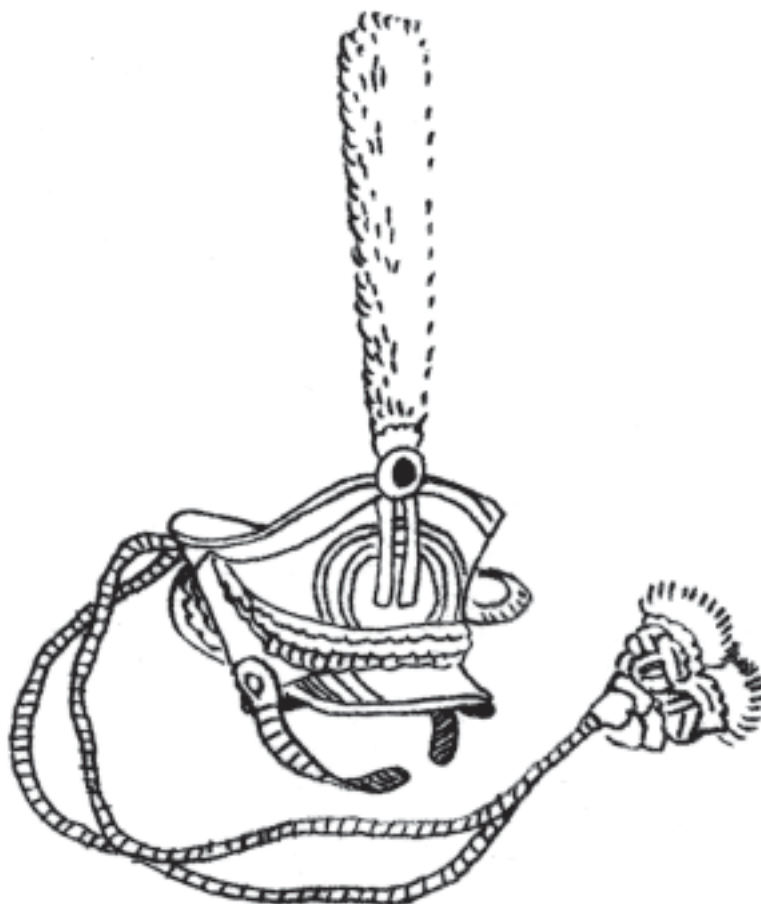
Роман «Ивановна, или Девица из Москвы» – роман в письмах, и притом остросюжетный, его действие разворачивается, главным образом, в захваченной в 1812 году французскими войсками и сожженной Москве. События того времени хорошо известны читателю по отечественной литературе. Но переписка сестер Долгоруких, письма влюбленного в русскую аристократку Ивановну английского баронета Эдварда Инглби и его слуги в немалой степени пополняют наши знания о том времени и придают им новую эмоциональную окраску – тема «война и любовь» всегда актуальна.

© Хофланд Б., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

Об авторе	5
Том I	8
Письмо I	8
Письмо II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Барбара Хофланд Ивановна, или Девица из Москвы

Об авторе

Барбара Хофланд

(1770–1844)

Барбара Хофланд, урожденная Барбара Врикс, родилась в 1770 году в Шеффилде. Ее отец, Роберт Врикс, был скобяных дел мастером. Он умер, когда Барбара была еще ребенком. Мать Барбары очень скоро снова вышла замуж, и девочку отправили жить у незамужней тети.

Став взрослой, Барбара сначала держала шляпный магазин на Черч Лэйн и писала стихи в газеты «Шеффилд Курант» и «Шеффилд Айрис». В 1795 году для «Шеффилд Курант» она написала свое первое литературное эссе «Характеристики некоторых значительных жителей Шеффилда».

В 1796 году Барбара вышла замуж за Томаса Брэдшоу Холла, шеффилдского купца, который спустя два года после свадьбы скончался от чахотки, оставив Барбару с четырехмесячным сыном на руках. У Барбары оказалось «значительное» состояние, но оно, к сожалению, довольно скоро улетучилось из-за краха фирмы, в которую оно было вложено. Барбара и ее сын

остались без денег. Для того чтобы как-то поддержать себя и сына, Барбара издала, с помощью великодушных пожертвований от жителей Шеффилда (было около двухсот жертвователей), книгу стихов, которая принесла ей за короткий период времени достаточно хорошую прибыль. У нее теперь было столько денег, что она смогла купить закрытое учебное заведение в Харроугейте. После года попыток добиться успеха в своем бизнесе Барбара в конечном счете потерпела неудачу, однако, пока она боролась с трудностями, которые сопутствовали ей в делах, она нашла время, чтобы сделаться известным писателем. И таким образом достигла недолгой независимости. Прошло десять лет вдовства, и Барбара вышла замуж за молодого художника Томаса Кристофера Хофланда, прославившегося своими видами Шеффилда.

В 1812 году Барбара опубликовала роман, который написала еще в Харроугейте, «Вдова священника», и было продано 17 000 экземпляров этой книги. Ее муж все не мог добиться успеха, и это заставляло Барбару еще усерднее работать. К 1824 году она написала двенадцать романов. Переезд в 1811 году в Лондон помог Барбаре писать более продуктивно, первым был опубликован роман «Невестка». Следующим оказался самый известный ее роман «Сын гения» (1816 г.). Этот роман заслужил успех своей искренностью, правдивостью и естественностью. Это было живое описание характера художника, который она наблюдала в своем муже, и безыскусной, но трогательной любви к сыну от первого брака, чья ранняя смерть от чахотки омрачила всю ее жизнь.

Барбара Хофланд также написала смелый памфлет о разногласиях между королем Георгом IV и королевой Каролиной и, развивая современное отношение к журналистике, писала в современные журналы письма о лондонских литературных новостях.

9 ноября 1844 года Барбара Хофланд умерла в возрасте 74 лет в Ричмонде, графство Суррей.

История о том, как роман Барбары Хофланд «Ивановна» оказался в России

Известный музыкант, скрипач, родившийся в Москве и проживший там большую часть жизни, назовем его М. Л., в 2009 году давал сольные концерты в Англии. В городе Ноттингем он должен был дать один концерт. После утренней репетиции он решил пройтись по городу и во время этой прогулки набрел на букинистическую лавку. Магазин был очень маленьким, каким-то захламленным, книги лежали так хаотично, будто их только что привезли или, наоборот, собираются увозить. Но в одном шкафу все было аккуратно расставлено и разложено. М. Л. и обратился к этому шкафу. Тут хозяин магазинчика, довольно молодой человек, сказал, что вещи, лежащие в этом шкафу, не продаются, потому что он собирается выставить их на аукционе Сотбис.

Разумеется, М. Л. еще больше захотел увидеть, что это за вещи и, сказав, что только посмотрит, открыл шкаф и сразу обнаружил там партитуру первого издания оратории Генделя «Мессия» и партитуру первой английской оперы «Дидона и Эней» Перселла. Тут же стояли два маленьких томика, явно очень старых, М. Л. открыл книжку и ахнул – это был роман неизвестного автора с названием «Ивановна, или Девица из Москвы», изданный в 1813 году. Конечно, М. Л. сказал, что он покупает эти три вещи, но торговец отказался их продать, надеясь побольше выручить за них на аукционе, при этом предложил зайти через две недели, когда аукцион уже пройдет. М. Л. сказал, что через три часа у него концерт в главном концертном зале города, после которого он уезжает из Ноттингема.

Концерт прошел с большим успехом, но М. Л. не переставая думал о своей находке в книжной лавке. Когда он вышел из артистической, то увидел у дверей того самого букиниста. Молодой человек сказал, что он подумал-подумал и решил, что нечего рисковать, ждать аукциона и что, пожалуй, он продаст М. Л. эти три вещи.

Прочитав роман «Ивановна», М. Л. был потрясен его содержанием и решил, что книгу следует подарить своей давнишней приятельнице, живущей в Москве.

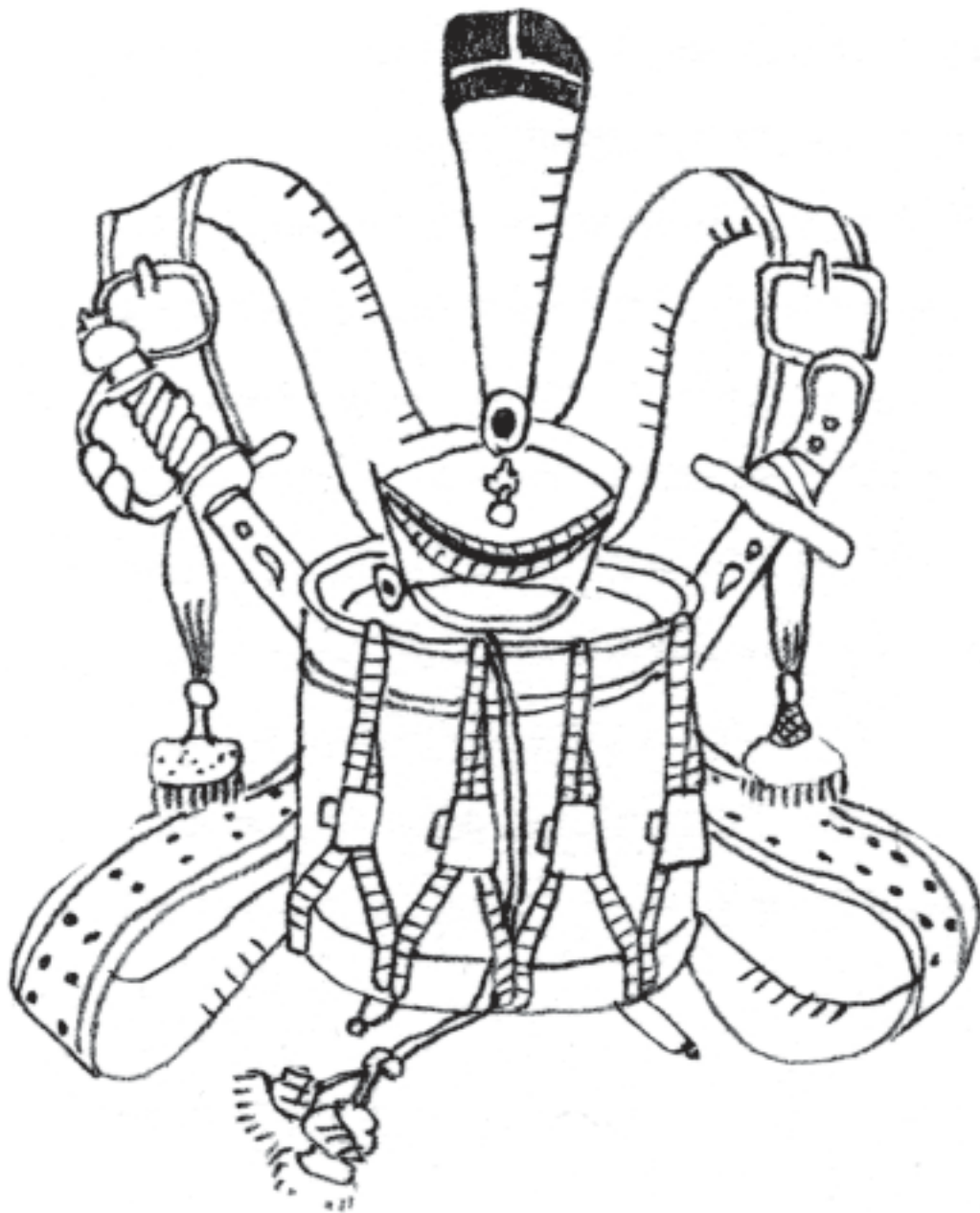
Так книга попала в руки Киры Сошинской, которая влюбилась в нее и решила во что бы то ни стало ее перевести. Перевела. Но как может быть книга без автора?

По счастливому стечению обстоятельств Кира оказалась в Лондоне, там она отправилась в прекрасную библиотеку, находящуюся недалеко от того места, где она жила. Милая библиотекарка объяснила ей, что в начале девятнадцатого века было принято не обозначать имени автора книги. Но на титуле «Ивановны» были строчки: «От автора “Вдовы священника”, “Вдовы офицера”, “Сына гения” и др.». И дальше уже поработал компьютер, который и обнаружил автора. Им оказалась известная в Англии начала девятнадцатого века писательница Барбара Хофланд.

Роман «Ивановна, или Девица из Москвы» – это крепко построенный исторический роман в письмах, причем роман остросюжетный, его действие разворачивается, главным образом, в захваченной в 1812 году французскими войсками и сожженной Москве. События того времени хорошо известны читателю по отечественной литературе. Но переписка сестер Долгоруких, письма влюбленного в русскую аристократку Ивановну английского баронета Эдварда Инглби и его слуги в немалой степени пополняют наши знания о том времени и придают им новую эмоциональную окраску – тема «война и любовь» всегда актуальна.

Написанные чужестранцами романы или фильмы о России часто называют «развесистой клюквой», но в романе «Ивановна» – написанном в 1813 году! – этого вовсе нет. Есть, конечно, странности в именах героев (Ивановна, Ротопчин и др.), неточности в некоторых географических названиях (Смоленско, Витесп), но не более того. Это можно легко простить Барбаре Хофланд, которая явно не бывала в России. Видимо, все сведения она почерпнула из газет и устных рассказов. Мало кто мог написать бы роман, например, из американской жизни, пользуясь лишь свежими номерами «Нью-Йорк таймс». Но больше всего в романе поражает восторженное отношение писательницы к русскому народу, его героизму и патриотизму. Нет сомнений, что она восхищается отважными русскими героями и героинями своего романа, и можно предположить, что это было не только ее личное мнение, но она отразила общее настроение, существовавшее в то время в Англии в отношении к России.

Том I

Письмо I

*Ивановна, дочь графа Долгорукого,
Ульрике, своей сестре
и жене полковника графа Федеровича*

Москва, 20 мая

Сестра моя, друг мой, почему тебя нет рядом со мной, когда жизнь моя так полна всяческими событиями? Увы! Задаю вопрос и тут же сама на него отвечаю – ты занята выполнением важных, но непростых обязанностей, свойственных тому положению, на порог которого

я только вступаю. Ты ухаживаешь за больным ребенком и готовишься к разлуке с любимым мужем, к самому тяжкому испытанию, которое, вероятно, в силах выдержать только супружеская любовь.

Поскольку несколько месяцев назад решено было, что мое бракосочетание состоится в день, когда мне исполнится восемнадцать лет, Фредерик не будет больше слушать ни моих глубокомысленных доводов насчет дальнейшей отсрочки, ни даже доводов моего дорогого деда. Мои доводы, правда, сводятся к одному: «Я предпочла бы не выходить замуж до тех пор, пока Ульрика не сможет приехать к нам». Дедушка восклицает совсем в ином тоне: «Время ли жениться или выходить замуж, когда враг у ворот, когда тот, кто низверг империи и разорил народы, приближается к России?»

Наши дорогие родители слушают речи своего почтенного отца с душевным волнением, которое показывает, сколь глубоко они разделяют его чувства, и все-таки они не противятся моему браку в условленное время. Отчасти, считая, что французы не выполняют свою угрозу и не вторгнутся в Россию или будут отбиты, а отчасти потому, что хотят, чтобы мое бракосочетание прошло в отсутствие барона Ментижикова, который ныне призван в свой полк под начало князя Багратиона. Барон так долго и так нежно был привязан к твоей Ивановне, что имеет право на проявление предельной чуткости с ее стороны, и ему, несомненно, лучше находиться в отдалении, когда свершается такое событие, нежели оказаться чуть ли не обреченным стать свидетелем оною. Наш брат Александр решил сопровождать барона в армию и одновременно принимать участие в доблестных сражениях с нашим врагом и проявлять самую сердечную заботу, которой может потребовать дружба в трудные времена. Когда я думаю о бароне Ментижикове – о множестве его добродетелей, его преданности и внимании, о высоком к нему уважении нашей семьи и особенно о его дружбе с нашим дорогим Александром, я чуть ли не злюсь на себя за то, что не разделяю его чувство. И поскольку барон не заслужил страдания, которое есть результат моего молчаливого одобрения его особого отношения ко мне, то часто съезживаюсь от укора, который можно прочесть в глазах брата, хотя язык его молчит. А вот когда я смотрю на своего любимого Фредерика и думаю о выдающихся качествах его характера, о его преданности и всех достоинствах и талантах, что даны ему его умом, меня сражает мысль о разлуке с ним, даже на мгновение. При этом я с энтузиазмом принимаю мысль о том, что наш храбрый барон растеряет на пути славы, который открывает ему военная служба, все малейшие признаки своей несчастной любви, кроме уважения, коего, думаю, мне не следовало бы лишаться и кое я ценю слишком высоко, чтобы от него отказываться.

Ты просишь меня, Ульрика, написать тебе длинное письмо и помнить, что твой разум находится в таком состоянии, которое требует скорее отвлечения, нежели утешения. Мне это легко понять, поскольку самой бывает гораздо легче отвлечься от некоторых грустных тем и позволить себе по крайней мере временно о них не думать, нежели постоянно предаваться тяжелым размышлениям. Ведь чем больше задумываешься, тем ужаснее все видится. Мужчины, вероятно, предназначены для того, чтобы смело встречаться лицом к лицу с любым врагом, а женщины должны либо бежать прочь от дьявола, либо склониться пред ним, чтобы избежать зла. Так терпение и покорность служат нам заменой храбрости и решительности, и во многих случаях жизнелюбие восполняет недостаток стойкости, этой замечательной добродетели, на которую я не претендую, поскольку никогда еще не сталкивалась с бедой, что смехом не прогонишь и не выплачешь за полчаса.

Но ежели мой трактат не позабавил тебя, то попытаюсь передать тебе разговоры, которые я *вынуждена* выслушивать ежедневно. Я говорю *вынуждена*, поскольку ты же знаешь, как я ненавижу политику в любом виде, не имея к ней ни вкуса, ни таланта. Но ты слишком тесно связана со всем, что касается нынешнего положения общественных дел, чтобы оставаться в такой же степени равнодушной. Более того, признаюсь, даже твоя маленькая Ивановна уже не думает о предстоящем вторжении без дрожи с тех пор, как возникла угроза, что это может

заставить Фредерика немедля взяться за оружие, и тогда – ах! *тогда*, Ульрика, мы станем сестрами по несчастью.

Все в доме и вне дома одинаково заняты разговорами о Бонапарте. *Его* могущество, *его* намерения, *его* амбиции, *его* ресурсы – вот что больше всего интересует людей всякого звания. Теперь уже не до скандалов, моды, всяческих развлечений и не до литературы. Для молодежи война – *ликование*, для стариков – *разорение*. Война и сопутствующие ей сражения и бедствия – это для людей среднего возраста, которые, я полагаю, лучше всех могут судить обо всем этом, потому как зрелости не свойственны ни безрассудство, ни отчаяние, составляющие помеху прозорливости.

Наш папенька (который для меня что оракул, ты знаешь), похоже, решительно придерживается мнения, что французы *войдут* в Россию и, вероятно, добьются каких-то успехов, но встретят отпор, о котором теперь они не имеют никакого понятия, потому что у них ложное представление о русском характере и они вовсе не предполагают какого-то стойкого сопротивления, хотя должны быть хорошо осведомлены о несомненной храбрости войск, с которыми им уже приходилось сражаться.

«Из всех народов, – говорит папенька, – у французов самое высокое мнение о своей проныцательности, и поскольку они признают себя *во многом* великими талантами, что вполне справедливо, то решили доказать свое превосходство всем. Русских они представляют себе рабами и приписывают им все качества, которые обычно относят к людям такого рода, и потому нашу храбрость называют свирепостью, нашу религию – суеверием, нашу привязанность к родным места – предрассудком и...»

«Но, мой дорогой друг, – перебивает папеньку старый барон Вилландитч, – разве мы сами не вынуждены до сих признаваться в том, что предвидели невозможность сколь-нибудь продолжительного сопротивления захватчику, которому можно дать краткий смелый отпор, но которому нельзя эффективно противостоять, поскольку храбрость варваров должна будет в конце концов уступить более высоким проявлениям мужества вкупе с опытом и дисциплиной?»

«Простите меня, барон, – сказал папенька, величественно поднявшись с кресла, – вы так долго жили в других странах, что забыли естественные запросы собственной страны. И упустили предоставленную ею возможность наблюдать, как она постепенно поднимается до сравнительно цивилизованного состояния и уровня знаний, что делает ее в какой-то степени равной даже своему лощеному противнику. Что ни говори, но за границей определенного уровня утонченности кроется опасность для нравов и, разумеется, для свободы и прочности государства. Посему русские, возможно, переживают ныне период овладения многими достоинствами, проистекающими от совершенствования умов, не испорченных пока теми пороками, кои являются следствием коварства роскоши, и не достигли той высшей стадии совершенства, которая эти умы *будоражит*. И я уверен, что можно ожидать продолжительных и упорных усилий от тех, кто сражается за все, что им дорого – за свои дома, своих жен и детей, и от тех, кто воюет не только во имя справедливости и по зову души, но и ради славы, поскольку достойный отпор такому сильному противнику и его разгром повысят цену победы и возложат на чело даже самого скромного человека неувядающие лавры».

«Если, – продолжил барон, – наши мужики действительно настолько развиты, хотя, боюсь, что скорее ваши желания и ваш патриотизм, нежели ваша осведомленность, видит их такими, согласен, многого можно ожидать. Поскольку там, где действительно воюют по велению души, у людей открываются очень большие физические возможности, и сама нищета русского человека, пережитые в детстве лишения и суровость климата оказываются его лучшими друзьями и отлично заменяют хваленую дисциплину его врага южанина. Но увы! Как можно надеяться на энтузиазм любви и свободы тех, кто родился, ничего не унаследовав, чьи беды столь многочисленны, что стали для них привычными, у кого так мало простых радостей и кто

приучен смотреть на потустороннюю жизнь как на искупление за свои земные страдания. Был бы я русским крестьянином, не знаю, что удержало бы меня, при такой-то жизни, от того, чтоб не кинуться на острие первой французской шпаги, которая столь услужливо открывает тебе дорогу туда, где лучше».

«Тогда я скажу вам, барон. Раз вы *так считаете*, то должны знать, что одна и та же священная книга, раскрывающая тайны жизни и бессмертия как самому смиренному простолюдину, так и его надменному господину, учит в час бедствия и лишений говорить: “Во все дни определенного мне времени буду я ждать, пока придет мне смена”. И если бы вы чуть лучше изучали эту священную книгу и человеческую природу в целом, то знали бы, что любое человеческое существо, обладающее здравым рассудком и опытом страданий, неизбежных для него как для человека, на самом деле так накрепко привязано не только к жизни, но и к тому, что его окружает, что для сохранения всего этого оно будет сражаться до тех пор, пока в груди его горит хоть искорка мужества. И эта искра гораздо дольше будет гореть в стойком сердце простодушного русского, нежели чем в сластолюбивой душе изнеженного итальянца. В первом случае такая искра может скрываться за невежеством, в другом она погаснет из-за слабости характера, что определенно гораздо более прискорбно. Ни вы, барон, ни французы не имеют никакого права считать, что русские крестьяне то ли животные, которые настолько глупы, что не знают собственного места в мироздании, то ли столь несчастны, что озабочены лишь переменой своей участи во что бы то ни стало. Они не равны, как по уму, так и по состоянию, ни англичанам, какие они *есть*, ни швейцарцам, какими те *были*, но, тем не менее, они *люди* и живут под властью *своих* господ не хуже, чем *те* жили под властью *своих* феодалов несколько веков тому назад, а шотландские горцы, храбрый и умный народ, живут так и по сей день. На самом деле человечество всегда должно продолжать жить по-разному, всяк по-иному. Почему же тогда можно сомневаться в мужестве и преданности русских мужиков, сравнивая их с другими народами, если им в разные времена удавалось заставить подобных захватчиков раскаяться в своем безрассудстве и научить уважать людей, которых они презирали? И прежде всего, почему следует подозревать, что орды наших рабов (допустим, что они таковы) покорятся какому-то народу, который явно более поработен, чем они сами? Народу образованному, с безупречными манерами, храброму и благородному, который, несмотря на собственное благоденствие, подчинился иностранному деспоту ради удовлетворения его тщеславия и амбиций. Деспоту, который, по правде сказать, будто злой дух, овладел ими, и связывает их, и рвет на части, и ведет, куда захочет. Будьте уверены, барон, я знаю своих собственных людей и людей своих соседей – они *покорны*, но не *подлы*. Это – услужение, но не рабство; поскольку установившийся у нас обычай успешно предотвращает те злоупотребления, которые позволяет наш устарелый свод законов. И потому мы увидим, что наших воинов поддержат наши крестьяне, и вместе они, несомненно, покарают французов за их безрассудные амбиции. Но, признаюсь, я *страшусь* схватки; поскольку противник наш очень силен и, хотя каждый мужчина, способный держать в руках мушкет, ушел на поле боя, и даже каждая женщина...»

«Женщина! – воскликнул барон. – *Женищина!* Мой дорогой князь, надо быть не в себе, чтобы призвать женщин в эту драку, разве что на стороне противника от них можно чего-то ожидать, ибо галантность французов скоро даст им почувствовать разницу между учтивостью воспитанных мужчин и варварством домашней тирании. Сказать по правде, думаю, нам следует весьма этого побаиваться, поскольку силу женщина может возместить хитростью, и естественно предположить, что рабское положение, в котором пребывают все русские жены, заставит их не упустить момент не только для эмансипации, но и для отмщения».

Маменька спокойно сидела за своим вышиванием, от которого, с того момента, как начался этот разговор, лишь раз или два подняла глаза, просто чтобы взглянуть с обожанием на папеньку, когда его речь становилась особенно оживленной. Теперь она отложила свое руко-

делие и, повернувшись к барону, спокойно, но с суровым выражением лица, весьма для нее, как ты знаешь, необычным, сказала:

«В моем доме шестьдесят женщин, и все они готовы рисковать жизнью, защищая своих мужей и отцов. Не смею думать, что мои домочадцы лучше, чем люди моих соседей, и потому надеюсь – вы сильно ошибаетесь, предполагая, что кто-то из нас способен на неверность своим мужьям или на предательство нашей страны».

«Простите меня, мадам, я бы не стал говорить о вас, или о ком-то, кто имеет счастье жить при вас, я не пытаюсь воспользоваться вашим примером. Я говорю о множестве женщин, женах наших работников и крестьян, о тех, кто, выучившись раболепствовать под розгой своих домашних тиранов, может радоваться людям, известным своей галантностью, и считать их скорее освободителями, нежели врагами».

«Я думаю, вовсе невозможно, чтобы человеческое существо, – мягко отвечала маменька, – любило того, кто жестоко с ним обращается, или чтобы женщина замышляла *жестокость*. Как известно, женщины, о которых вы говорите, с самого раннего детства приучены полностью повиноваться своим будущим мужьям, это их естественное существование, так что им никогда и в голову не придет размышлять о возможности нарушить узы, тяжести которых они не ощущают, и любое проявление доброты своих мужей они воспринимают со всей благодарностью, как подарок. Поймите, каким бы ограниченным ни был их ум, у них нет поводов жаловаться на недостаток счастья, поскольку, если не пришлось им соединить свою судьбу с натурой чрезвычайно грубой, то они, как правило, получают больше нежности, чем ожидали, и потому будут горячо любить мужчину, с которым связали свою жизнь. А если добавить к этому высокое чувство религиозного долга, которое, я убеждена, более или менее присуще им всем, то можно найти вескую причину для того, чтоб согласиться с моими рассуждениями, даже не беря во внимание более эгоистичные чувства, которые, тем не менее, могут повлиять на любое человеческое существо, а особенно на женщину, всегда нуждающуюся в мужчине, который ее защитит, не важно, дарует ли он эту защиту с любезностями или без оных.

На этом наша маменька замолчала, и то ли барон уступил ее доводам, то ли ее красоте, но он слишком хорошо знал придворные правила, чтобы не показать явного несогласия с ее рассуждениями. Одно бесспорно, Ульрика, маменька нынче красивее и меня, и тебя. Более того, этот негодник Фредерик час тому назад признал этот факт. Но что говорить о ее внешности, когда каждый ее поступок, каждое произнесенное ею слово настолько прекрасны, что это привлекает к ней сердца всех окружающих как к месту приюта для отдохновения от собственных волнений и как к источнику добродетелей, из которого они могут черпать по капле столь милые им совершенства. Не удивительно, что наш дорогой папенька относится к ней с такой любовью и уважением. И что ей в радость быть ему опорой, хранить честь нашего древнего рода, составляющую гордость и радость его сердца. Ах, если бы нас с тобой, Ульрика, так любили, и столь заслуженно, двадцать лет спустя! Ни одна из нас, слава Богу! не имеет причин сомневаться в тех, кому мы отдали свою любовь, но ведь с любовью и со временем все не так просто, и я, бывает, задумываюсь об этом и довожу себя чуть ли не до уныния, состояния скорее нового, нежели свойственного мне.

Вчера мы обедали с княгиней Невской, она развлекла нас пятью-шестью скандальными анекдотами о разных милых друзьях, по поводу ошибок или несчастий которых выражала бесконечное сожаление. Приходится верить, что она испытывает необычайный интерес к тому, о чем рассказывает, поскольку из всех, с кем я встречалась, у нее единственной страхи или тревожения относительно французского вторжения не вытеснили страсть покритиковать своих друзей. Впрочем, слабость эта присуща всем людям, и старый барон уверяет меня, что в России сплетничают гораздо меньше, чем во Франции или в Англии. Если это так, то подобная страсть, должно быть, главное, в чем самые утонченные люди и варвары походят друг на друга.

Мой Фредерик питает отвращение к клевете в ее любом виде и на любом уровне. Будучи сам открытым, бесхитростным и искренним, он, признавая с чрезвычайно обаятельной откровенностью свою собственную склонность ошибаться, к ошибкам других относится весьма снисходительно, хотя никогда не перестает со всей горячностью клеймить порок во имя добродетели.

Не смейся надо мною, Ульрика, вспомни, сколько я наслушалась твоих пылких речей в стародавние времена, пока смогла понять, что ты столь же восхищаешься Федеровичем, как и наш с тобой брат. Лучше уж скажи спасибо, что я в столь малой дозе выдаю тебе то, что занимает такое огромное место в моем собственном сердце.

Прощай! Поцелуй вашего милого крошку за меня; передай нашему почтенному Федеровичу, как мы любим его. Сердцем мы с ним и его делом. И не теряем надежды обнять его в Москве, так как, насколько нам известно, она окажется на его пути. Да хранит *его* Бог войны и да поддерживает *тебя* – вот самая горячая молитва твоей сочувствующей и любящей сестры

Ивановны.

Письмо II

От той же к той же

Москва, 30 июня

Могла ли я думать, моя любимая сестра, когда писала последнее письмо, что страхи, витающие вокруг меня, так скоро подтвердятся и этот страшный человек и его страшные прислужники на самом деле войдут в нашу страну и принесут ужасы войны в каждый дом. Всегда имея склонность видеть все с лучшей стороны и зная об ужасах подобных бедствий лишь по слухам, я воспринимала все это скорее ушами, нежели сердцем. Не зная горестей больших, чем недолгий гнев вспыльчивого папеньки или временное нерасположение любящей маменьки, я не понимала, что за грозные тучи сгущаются вокруг нас. И первая туча, разразившаяся грозой в эти дни, столь ошеломила меня, что я была просто не в состоянии побеседовать с твоим дорогим мужем во время его краткого и тревожного визита. Мне запомнилось лишь удивление, какое я испытала, увидев его таким счастливым. Теперь я знаю, что являли собою его храбрость и стойкость, и, вместо того чтобы завидовать его состоянию, я должна была стремиться подражать его примеру. Следовало бы вспомнить, что он только что расстался с любимой женой и нежно любимым ребенком и, тем не менее, приказал себе выглядеть не только спокойным, но и веселым – в то время как я, в слезах и в смятении, отвергала все утешения, которые только может даровать родительская забота, и впервые в своей жизни обнаружила, что рождена для общей со всем человечеством судьбы.

Но кто может порицать меня, Ульрика? Каково было вынести все это накануне того самого дня, когда мне предстояло соединиться с давно любимым мною человеком, которого не только я *сама* выбрала, но и которого так высоко оценили мои родители, что искренне одобрили мою любовь. Любовь к молодому человеку столь замечательного, столь высокого происхождения, так щедро наделенного природой и судьбой, что даже мой брат, сожалея о моем отказе его другу, вынужден был признать удачным выбор моего сердца и заявить, что испытывает к Фредерику братские чувства.

Но я должна сдерживать свои излияния. Мне следует лишь рассказать тебе о том, что сейчас у нас происходит. Теперь я уже в состоянии сделать это, поскольку наплакалась и успокоилась, и жуткая нескончаемая тревога, заполнившая мое сердце (и, конечно, сердца всех вокруг), быть может, найдет временное утешение за этим занятием.

Несколько дней, предшествовавших моему дню рождения, я временами наблюдала у Фредерика крайнюю печаль в той нежности, которая всегда была отличительной чертой его отношения ко мне, и упрекала себя за то, что вызываю эту печаль моей кажущейся холодностью. И потому отказалась от всего того, что могло вызывать подобное, и обращалась с ним гораздо нежнее, чем позволяла себе до сих пор. Но, увы! В той же мере, в какой проявлялась моя нежность, оказывала себя и его печаль. Мое глубоко любящее сердце было обращено лишь к нему – родители и все в семье были заняты, серьезны и вели бесконечные разговоры о новостях с границ. Я относилась к их высказываниям и озабоченность на *твой* счет. И, конечно же, Ульрика, временами я сильно тревожилась о тебе, иногда думала и о нашей стране тоже и дрожала при мысли о тех страданиях, которые война, должно быть, принесет многим моим друзьям и знакомым. Но больше всего я размышляла о той печали, что сжимала грудь Фредерика, и это впервые дало мне понять, как искренне я его люблю.

Накануне того несчастного дня, что был назначен для нашего бракосочетания, папенька получил депеши, в которых сообщалось о том, что французская армия вступила на территорию России. Только он прочел эти слова, как в комнату вошел Фредерик. Граф молча подал ему

бумаги. Фредерик быстро пробежал глазами сообщение, затем взглянул на меня с выражением, которое выказывало невыразимую муку. Он выпрямился, судорожно вздохнул, потер лоб и отвернулся от меня.

«Дорогой, дорогой Фредерик! – закричала я. – Ради Бога, скажи мне, в чем дело?»

«В чем дело! – сказал батюшка со смешанным чувством печали и досады. – Разве я не сказал тебе, дитя, что французы в России?»

«Да, и я очень огорчена, но не сомневаюсь, что их прогонят и...»

Фредерик обернулся ко мне и, сжав мои руки, воскликнул: «Моя дорогая Ивановна! Ты должна понять, что долг, чрезвычайный долг каждого русского состоит в том, чтобы изгнать захватчика из нашей страны, и что я...»

«Ты, Фредерик! Ты! Невозможно! Ты не солдат! Мой брат уже ушел на войну, моя сестра, возможно, будет оторвана от мужа – наша семья, несомненно, отдала более чем достаточно этой жестокой войне; ты *не можешь* идти – тебя не призывают».

«На самом деле, дорогая моя дорогая Ивановна, я *призван*. Я иду сражаться за свою страну, чтобы защищать тебя, мою невесту, которая в этот страшный миг в десять тысяч раз дороже мне, чем прежде. Я иду, чтобы покарать надменных захватчиков моей родной земли и показать деспоту с Юга, что на континенте еще осталась одна держава, которой он может нанести раны, но которую никогда не сможет поработить».

Когда Фредерик произносил это, в его оживившихся глазах сверкал огонь доблести, и его прежние кроткие мольбы о любви померкли в сравнении с этим огнем. Я была так глупа, что не смогла этого вынести. О, как во мне проявилась женщина! Как безжалостно я отринула целомудрие, которое прежде не могла преодолеть! Но, Бог свидетель, я хотела быть доброй и великодушной, дабы вознаградить героизм, которым я восхищалась, и доказать, что моя любовь столь же благородна, сколь и его храбрость, когда, бросившись в его объятия, предложила сочетаться браком *немедленно*.

«Нет, дорогая Ивановна, жизнь моя, душа моя! Я не должен сейчас жениться на вас – военная судьба весьма неопределенна, и, хотя я и надеюсь на лучшее, все-таки...»

«О, не говори о надеждах – я твоя, я пойду с тобой, буду сражаться вместе с тобой, умру вместе с тобой! Разве я не супруга тебе?»

«Да, ты супруга ему, Ивановна, – сказала папенька, крепко обняв нас обоих, – и Господь да благословит вас, коли вы будете верны друг другу! Но помни, дитя мое, что как муж должен оберегать и вести за собой свою жену, так и честь жены в том, чтобы придавать стойкости *его* добродетелям и умножать *его* силы, и я полагаю, что *моя* дочь и дочь лучшей из женщин докажет, что способна на это».

Я слушала папеньку, я изо всех сил старалась повиноваться ему – но в этот момент Фредерик прижал свои губы к моим.

«Что это, – спросило мое трепещущее сердце, – поцелуй жениха или прикосновение губ, предлагающих мне прощание *навсегда*?»

Эта мысль будто ледяной стрелой пронзила мое тело, и больше я уже ничего не слышала.

Да простит меня Господь, Ульрика, но зачастую не могу справиться с мыслью, что лучше б мне было вовсе не очнуться от обморока, который случился со мной тогда, ибо те ужасные чувства, что я испытывала по возвращении сознания, вовек не сотрутся из моей памяти. И когда мне сообщили, что Фредерик уже уехал и что, вероятно, вскоре ожидается какое-то суровое предписание, мое горе превзошло все границы. Напрасно папенька убеждал меня исполнять мой долг в сложившейся жизненной ситуации. Я не могла ни рассуждать о героизме, ни проявить послушание. Напрасно наш добрый дедушка пытался более мягкими наставлениями и более весомыми истинами заставить меня смириться. Я слушала, плакала – и не могла сдерживать слезы.

Но печаль маменьки, ее безупречная доброта и великодушие, за которыми она скрывала эту печаль, хотя сама явно страдала, до некоторой степени подействовали на меня, что-то во мне переменялось, и ради *маменьки* я постаралась взять себя в руки. И чувство благодарности к *ней* и обращение к вере вернули мне силы. Я молилась Богу, и мне становилось легче.

И все-таки, Ульрика, как тяжело переносить эту неизвестность! День за днем и час за часом мы ждем вестей о судьбе всех наших любимых. Мы намного ближе к месту военных действий, и все-таки ты, видимо, скорее нас узнаешь истинное положение дел, потому что все сведения, должно быть, поступают в правительство непосредственно из рук нашего главнокомандующего, а нам крестьяне все время приносят самые разные и зачастую противоречивые вести. Всеобщее единение, вызванное одной для всех опасностью, дает каждому право сообщать свои новости равно как во дворце, так и в простом доме. Всякого, кто приносит интересные сведения, везде с жадностью слушают, и сообщение его, будь оно ложным или правдивым, распространяется по всей Москве с доселе невиданной скоростью; и, разумеется, мы в постоянной тревоге из-за всех этих беспорядков, порождаемых надеждой, страхом, сомнениями. Но эти тревожения связаны исключительно с положением нашей армии и продвижением противника. Мы не разделяем опасения барона Вилланодитча. Будь по его, так нам скоро следует ожидать и того, что Кремлевские соборы склонят свои купола перед захватчиком и предложат ему свои сокровища, и того, что наши храбрые и преданные русские граждане поддержат врага или будут спокойно наблюдать за его успехами. Нет! Всем нам присущ единый дух, и наверняка этот могучий дух владеет и нашим войском. Быть может, в настоящее время у него нет той быстроты действий, того счастливого единения силы и гибкости, которое один лишь опыт может дать и которое характерно для нашего противника. Но сила нашей армии огромна, характер стоек, терпение безгранично, и, будь уверена, там, где не удастся немедленное возмездие, она будет оказывать решительное сопротивление – любым способом, с готовностью выносить все лишения, доблестно и упорно. Точно так же пламенный энтузиазм, благородное хладнокровие и мудрость старшего поколения и жар молодых будут противостоять безжалостному тирану. И Россия выйдет непобежденной.

Наши женщины везде, в меру своих сил, уже помогают своим мужьям и близким, чтобы досадить врагу. Во многих местах целые отряды крестьян присоединяются к армии, а крестьянки тем временем разрушают свои дома, уводят скот и опустошают деревни перед приходом захватчика. Выполняя этот печальный долг, готовят себя и своих деток ко всем трудностям нынешних дней, вовсе не будучи уверенными в том, что грядущей зимой провизии будет в достатке. Если все это не есть дух патриотизма, если это не обещание непобедимости и не доказательство преданности своей отчизне, стало быть, такого духа и вовсе не существует.

Было бы у испанцев такое единение, была бы им их страна – одна из самых прекрасных на земле стран, на которую солнце льет свои обжигающие лучи, – так же дорога, как дороги нам наши бесплодные равнины и заснеженные пустыни, неужто узурпатор раскинул бы свои гордые легионы по их опустошенным провинциям и растоптанным виноградникам? Потребовали ли они, чтобы Англия научила их быть мужчинами и сделала из них солдат? Нет, Ульрика! Хотя, быть может, они и просили помощи, но им надо было ее заслужить. Они не должны были возлагать всю тяжесть своего освобождения на этих храбрых и великодушных островитян, которые так вовремя объяснили *нам*, что у этого Ахиллеса есть уязвимая пятая. Они показали нам, что тот, кому покорились столь многие народы, покорился, в свою очередь, *им*; и он снова и снова спасался бегством от гораздо меньшей по численности армии тех самых замечательных людей, которых, как он сам хвастливо заявлял, собирался утопить в море.

Когда я думаю о ходе войны в Испании, то, признаюсь, не могу удержаться от пожелания, чтобы великий Веллингтон и его доблестная армия оказались здесь. Он такой великий человек, что, думаю, даже русские, сражающиеся за свою страну, гордились бы, если бы им

пришлось служить под его началом, что, несомненно, есть самая высокая похвала, которую можно услышать от русского человека.

Но я вижу, ты, Ульрика, улыбаешься, несмотря на свое тревожное состояние. Если уж Ивановна заговорила о генералах и армиях, то кто б не улыбнулся? – *Она* просто барышня, которая никогда не стремилась к чему-нибудь, кроме похвалы за остроумную беседу в компании и человеческую *отзывчивость* в близком кругу. Ах, сестра моя! Бывают случаи, когда за весьма короткое время характер сильно меняется. Мои мысли, желания и планы, кажется мне, изменились коренным образом; меня поглощает лишь один главный интерес, и я нахожу облегчение от непреодолимой тревоги в размышлениях обо всем, что с ним связано. Невозможно полностью оставить сей предмет. Мой разум больше не в состоянии хранить спокойствие, кое необходимо для рисования цветов, придумывания новой мантильи или решения теоремы Эвклида. Хотя я и обрела некоторую стойкость, но все же нисколько не смирилась. Мой разум постоянно призывает меня к действию. Я играю военные марши, я с жадностью читаю отрывки из биографий героев или самые замечательные куски из эпических поэм, я слушаю подробные рассказы бабушки о наших прославленных предках и мысленно разжигаю всякую дремлющую во мне искорку чувства собственного достоинства. Война, даже ее поля кровавых сражений составляют часть моих размышлений, и я чувствую, что, несмотря на свой хрупкий внешний вид, могла бы владеть мечом и сражаться, как Кларинда, – но, должна признаться, всегда рядом с Фредериком. Даже в воображении я не могу убить врага, иначе как защищая своего любимого повелителя. Да, Ульрика, я буду звать его *повелителем!* У меня, как и у тебя, будет муж, за которого я могу дрожать и радоваться.

Совсем недавно я была глупой романтичной девицей. Несколько недель назад я полагала, что коли течение моего романа спокойно, стало быть, ручей неглубок и что спустя какое то время Фредерик внезапно обнаружит, что остановил свой выбор на мне скорее глазами, нежели умом, и признает этот выбор лишь страстью своих юных дней. То была одна из бесхитростных выдумок моей любви, и это подтверждают слова нашей старой няни Элизабет: «У кого нет неприятностей, тот сам их создает». Однако такое состояние недолго длилось, поскольку от него меня избавила моя природная веселость. Ах, я все бы отдала за то, чтобы поменять мою нынешнюю тревогу на самую острую боль, что я испытывала в тот момент!

Сколько раз, начав писать тебе письмо, я пыталась выяснить, нет ли каких новостей от Фредерика и Александра; и как часто сожалела о невозможности видеть, что они делают теперь! Более того, мне хотелось бы читать каждую мысль моего Фредерика. Я тревожусь, как бы его беспокойство за меня не стало сдерживать его благородный пыл, не ослабило бы его мужество, которое есть одновременно и мой ужас, и мой восторг. *Его печали* я вынести не могу; но и представить его счастливым тоже. Увы! Меня это немного страшит.

Утешает лишь то, что он находится рядом с твоим дорогим Федеровичем. Уверена, они оказывают поддержку и помощь друг другу. Наш брат со своим другом находится в армии князя Багратиона, которая ныне стоит в Волыни, но вот-вот должна соединиться с основными силами, и тогда, видимо, произойдет решающее сражение! *Решающее!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.